

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ, КОЛЛЕГЕ И СОРАТНИКЕ
Своими воспоминаниями о Федоре Алексеевиче Абрамове делятся:
Член-корреспондент НАН Украины, д-р техн. наук, профессор Ефре-
мов Э.И.:

Он был настоящим горняком

С Федором Алексеевичем Абрамовым во время учебы в Днепропетровском горном институте мы заочно познакомились ещё на первом-втором курсах, когда горняки собирались все вместе на общих собраниях горного факультета. Чисто «горняцкие» предметы, в том числе и «вентиляция» в основном читались с 3-го курса. И всегда профессор Абрамов для нас оставался загадкой – довольно серьезный, сухощавый, слегка сутулый, с которым встреча еще предстоит. И все же отношение к нему было спокойное: когда еще встретимся... Однако догадывались, что этого профессора без знаний «не пройдёшь». Вывод один – надо учить «вентиляцию». Так оно и было. Мы учили этот предмет добросовестно. И несмотря на то, что мы к тому времени уже побывали на производственных практиках на угольных шахтах, а некоторые даже поработали десятниками вентиляции и чувствовали себя «специалистами», на встречи с профессором Ф.А. Абрамовым мы шли с опаской. Но все прошло хорошо и по «вентиляции» у многих из нас были хорошие и отличные оценки.

В дальнейшем наши пути с Ф.А. Абрамовым пересеклись уже в Институте геотехнической механики НАН Украины, а вернее, в Отделении горнорудных проблем.

Хотелось бы отметить два момента. Первый – это то, что на работу в новую организацию из горного института перешло несколько профессоров. Второй – это то, что только профессор Н.С. Поляков и Ф.А. Абрамов перешли на постоянную работу, перешли полностью и окончательно. И если Н.С. Поляков решал проблему создания нового института, то Ф.А. Абрамов, оставив родную кафедру, становился верным другом и помощником во всех его делах. Нам это казалось самоотверженным и красивым поступком. И наше уважение к Ф.А. Абрамову многократно возросло.

Тандем Н.С. Полякова и Ф.А. Абрамова работал непрерывно. Сплошные командировки. Трудно представить, как им хватило сил на работу по организации института и при том не терять связь с любимым делом – наукой. Спасибо им за это огромное!

Тяжелейший труд друзей-сподвижников увенчался успехом. Венец их труда – создание в 1967 году Института геотехнической механики НАН Украины и избрание Общим собранием Академии наук Украины 20 декабря 1967 года Н.С. Полякова академиком Академии наук Украины, а Ф.А. Абрамова – членом корреспондентом Академии наук Украины. Вполне заслуженная награда достойным ученым, организаторам науки, достойным людям.

Кажется, что избрание Ф.А. Абрамова совсем не изменило. По прежнему, мы видели его озабоченное лицо, ведь так много еще не сделано и надо сделать.

И снова командировки в различные ведомства и на шахты. Строгий, требовательный, но внимательный и добрый человек.

Большой его заботой была проблема «Внезапные выбросы угля, газов и породы». Он возглавил комиссию по этой проблеме и до конца дней своих руководил ею.

Не смотря на свою скромность и тактичность, он не прощал сотрудникам промахов при решении этой важнейшей проблемы. Четко по графику работала комиссия. Строгий контроль и спрос, и конечно, помощь, если таковая была нужна.

От отдела механики взрыва в состав комиссии входил зав. лаборатории В.Н. Харитонов. Ему и доставалось в основном «на орехи», если случалась какая недоработка. Ф.А. Абрамов тактично решал эти вопросы со мной, говорил о В.Н. Харитонове, но так, что я понимал – это и меня касается.

Да, Федор Алексеевич – прекрасный человек, тактичный и требовательный в работе и простой в неслужебной обстановке.

Был однажды случай, когда мы вместе с ним ехали в Москву и возникла необходимость пополнить свои запасы. Станция небольшая, остановка короткая. Вернулся я, когда поезд уже трогался. Федор Алексеевич все время стоял у стоп-крана, беспокоился, что я не успею. Всё хорошо. Федор Алексеевич успокоился и сказал очень приятную для меня фразу: «теперь я вижу, что ты настоящий горняк!». «Настоящий горняк» – это его высшая оценка. Он знал, что такое горное дело, шахтерский труд и любил свою профессию.

Он был настоящим ГОРНЯКОМ!

Д-р технических и д-р экономических наук, профессор Тянь Р.Б.:

Встреча, которая круто изменила жизненный путь

Федора Алексеевича я знал и редко видел как заведующего кафедрой «Вентиляции и охраны труда» (так тогда называлась кафедра (1953-1958)) – в студенческие годы. Он нам не читал лекции и потому общения с ним не было. Но осенью 1957 г. вдруг нашему потоку читал лекции по вентиляции проф. Абрамов Ф.А. Тогда он мне казался человеком не общительным, угрюмым, и честно говоря, не понравился. В зимнюю сессию мне пришлось сдавать ему экзамены и вот после ответа на первый вопрос, он вдруг поинтересовался «почему у меня такая фамилия и вообще откуда я такой взялся». Я кратко ему рассказал о себе. Он заинтересовано слушал и пожелал мне доброго пути в жизни. После этого я его долго не видел и не слышал о нем. Я получил направление в Донбасс и работал на шахте, проходя последовательно должности горного мастера, зам. нач. участка, начальника участка, начальника проектно-конструкторского бюро, начальника пыле-вентиляционной службы. Причем все эти должности прошел в течении 1,5 года. После первого года работы на шахте я понял, что работа на шахте – это не для меня, хотя перспектива роста была хорошая. За это время я был трижды понижен в должности и много раз был оштрафован. Все из-за тех-

ники безопасности.

Поэтому в 1959 году я поступил в Ростовский -на- Дону Университет на физико-технический факультет (заочно), думая, что после окончания в 1963 г. кривая судьбы выведет меня на лучшую дорогу, чем шахта.

И вот 1962 г. в марте месяце случился внезапный выброс угля и газа (надо сказать, что шахта была сверхкатегорийна по газу $32 \text{ м}^3/\text{т}$ и еще опасна по выбросам угля и газа) в забое откаточного штрека во время бурения передовых дегазационных скважин. Погибло 4 человека и 23 человека отравились газом различной степени тяжести и попали в больницу. Меня отстранили от должности (тогда только начал работать зам. главного инженера по производству) и отдали под суд, так как именно во время выброса я был в шахте – ночная смена. И всю ответственность за случившееся переложили на меня. Два месяца я не работал и ездил во все мыслимые и не мыслимые бюрократические инстанции, доказывая, что я не «слон». И вот в мае 1962 года снова меня восстановили в должности и я начал работать. Настроение и состояние здоровья, хотя справедливость была восстановлена, хуже не куда. Снова заболела моя старая язва и по этой причине я лег на неопределенное время в больницу в Донецке. Во время пребывания в больнице я успешно сдал сессию за пятый курс. Я в университете специализировался на кафедре математической физики и близко познакомился с зав. кафедрой профессором Косачевским Петром Леонидовичем, который обещал устроить меня после получения диплома в Физико-технический институт при университете. Поэтому оставшийся 1962 –1963 год был годом ожидания и надежды.

Вот в таком настроении, после сдачи сессии поехал отдохнуть дней на десять в город Сочи. И вот однажды, на пятый день пребывания, часов в 18.00 решил побродить по парку Ривьера (я там недалеко снимал квартиру). Бездумно бродя по парку наткнулся на одиноко сидящего на скамейке человека. В начале я прошел мимо, скользнув по нему взглядом и не признал (все таки прошло пять лет). Потом вспомнил, что это Абрамов. Но подойти я не смог, потому что не мог вспомнить его имя и отчество. Подойти и сказать: «Здравствуйте профессор Абрамов, я бывший ваш студент». Этого позволить я себе не мог, не позволяло мое понятие этики. Минут пять я мучительно вспоминал всех знакомых профессоров и доцентов Горного института, с кем студенческая судьба сталкивалась, я его не вспомнил. Хотел уйти и тут я вспомнил Фролова Николая Алексеевича, доцента этой кафедры, который читал нам до Абрамова Ф.А. лекции. И тут я вспомнил и его. Подошел к нему и сказал: «Здравствуйте Федор Алексеевич, я выпускник Горного института». Он радостно приветил и попросил присесть рядом. Стал расспрашивать где я, кем работаю и т.д. Я ему более подробно рассказал, кто я такой, чем занимаюсь и как мыкаюсь и т.д. Он очень заинтересовано слушал и пригласил меня выпить по 150 гр. «сухарика». Я согласился, хотя мне в то время был противопоказан алкоголь. Сидя вдвоем за столом с бокалом холодного вина мы разговаривали долго. Он тогда сделал мне предложение приехать в Днепропетровск и работать в новообразованной структуре с перспективой учебы в аспирантуре. Я сказал, что подумаю, т.к. мне

остался еще год учиться и получить диплом, а потом там тоже мне обещали перспективу. Но Абрамов начал приводить различные доводы, убеждая меня в пользу Днепропетровска. Мы расстались поздно, где-то в 11-ом часу ночи. Я проводил его до санатория «Орджоникидзе», пообещав в ближайшее время появиться в Днепропетровске у него. Через три дня, на обратном пути в Харцизск я заехал в Ростов-на-Дону для уточнения будущей перспективы. Мне было тяжело определиться, куда же все таки направиться. Наконец, после долгого взвешивания «плюсы» пересилили в пользу Днепропетровска.

С тех пор судьба моя была связана с Ф.А. Абрамовым. Будучи у него аспирантом, а затем старшим научным сотрудником, я многому у него научился. Но самое главное – человеческому отношению. Федор Алексеевич никогда не повышал голос на своих сотрудников, никогда не отказывал в помощи, никогда резко не критиковал и не давал отрицательного отзыва на автореферат или диссертацию. Тонко и тактично указывал на некоторые недостатки в виде мягкого замечания с точки зрения улучшения. Действительно, в таком виде, даже самый обидчивый человек воспринимал замечания нормально. Конечно, все это пришло ко мне потом, по мере взросления и набирания опыта, постепенно приходило понимание его мудрой политики по отношению к сотрудникам. Одной из самых прекрасных черт Федора Алексеевича было понимание и ответственное чувство за своих учеников, желание видеть своих близких докторами наук. Особенно беспокоился он о тех, с кем долгое время работа вместе в Горном институте и в ИГТМ АН Украины. Об этом я узнал, когда громогласно заявил о своей докторской диссертации. Он говорил мне, что надо как бы соблюдать некую «субординацию», у него мол на очереди Антон Федорович Милетич, Николай Феофанович Кременчуцкий, Виталий Андреевич Далинский, Борис Евгеньевич Грецингер, есть еще в Киеве Владимир Петрович Трофимов. Чисто по человечески он был прав. Ведь все они ожидали от него помощи и подходили к достижению своей сокровенной цели. В моем тогдашнем возрасте и эмоционально вспыльчивом характере это показалось несправедливым по отношению ко мне. Мне удалось его убедить в том, что став доктором наук, намного больше будет возможность помочь им. Его мудрым компромиссным решением было то, что я одновременно делая свою работу, помогал защищаться двум людям - Милетичу А.Ф. и Кременчуцкому Н.Ф.

Ф.А. Абрамов редко откровенничал с молодыми о своей прошедшей и настоящей жизни. Но когда часто вдвоем или втроем с Н.С. Поляковым мы ездили в бесконечные командировки, Федор Алексеевич позволял себе высказываться о своих подчиненных сотрудниках, давая им очень краткие, точные и емкие характеристики, которые в принципе совпадали с моим мнением. В такие минуты мы были очень близки и полностью доверяли друг другу.

Ф.А. Абрамов в душе был очень добродушным и великодушным человеком, умел к кому надо приблизиться если это было очень нужно для дела. Ничто человеческое не было ему чуждо, хотя с молодыми в компании за столом старался не участвовать – то ли стеснялся нас молодых, то ли ему это было чуждо. Я заметил, что ему не нравятся шумные компании. Ф.А. Абрамов умел достойно

встречать высокопоставленных чиновников в ранге министров и их заместителей, умел тактично и мягко подходить и убедительно доказывать необходимость финансирования (а все дела и разговоры в конечном счете сводились к деньгам). Мне было интересно участвовать в таких встречах, это была большая школа человеческого общения и переговоров. А как огорчился, когда такие встречи заканчивались неудачно. В таких случаях, оставшись вдвоем, рюмку другу пропустив, анализировали весь разговор и причину неудачи. Если такие неудачи являлись следствием амбициозности и кичливости собеседника, то он огорчился меньше, он таких людей не любил, не терпел, а их встречалось на нашем пути немало. Но это было всегда хорошим поводом для его откровения и обсуждения характеров ближайшего окружения. Из таких откровений я сделал вывод, что на его жизненном пути было немало всяких встреч, которые в душе оставили неприятные воспоминания.

Именно в таких откровениях слышал и я в свой адрес справедливую, не всегда лицеприятную, критику. Это действительно было школой подлинного человеческого отношения. Поэтому я по жизни благодарен Федору Алексеевичу за эту большую школу.

Еще об одной, научной стороне деятельности Федора Алексеевича Абрамова. Говорят, что ученые делятся на три категории: генераторы идеи, исполнители (экспериментаторы) и организаторы. В этом отношении за то время, которое было наше знакомство и совместная работа, Ф.А. Абрамова можно охарактеризовать как ученого генератора и большого организатора. Для него, если идея была сформулирована и четко поставлена задача и известно как ее надо решать, то проблема становилась неинтересной. Ему надо идти вперед за другой новой идеей. Будущее его интересовало больше. В этом отношении Ф.А. Абрамов в тандеме с Н.С. Поляковым работали на опережение.

Все титулы, звания и награды, которыми он был награжден они достойны и заслужены его жизненной позиции - ученого, человека и учителя с большой буквы.

Я как его ученик бесконечно благодарен ему за большую человеческую школу жизни. Для меня он останется всегда учителем и другом.

Доктор технических наук, профессор Бойко В.А.:

*Светлой памяти ученого, моего Учителя, посвящаются
строки этих воспоминаний...*

Столетие – пугающе большой отрезок времени в памяти человека и короткое мгновение в истории. Представления о нем меняются у индивидуума с возрастом, но то, что становится достоянием истории и запечатлевается в сухих печатных строках, хранится в памяти людей, которые жили и трудились вместе с ушедшими в мир иной... Мне выпало счастье на протяжении трех десятилетий общаться с человеком, который стал достоянием истории, но сыграл большую роль в становлении одной из важнейших для горнодобывающей промышленно-

сти отраслей науки и техники – рудничной аэрологии, и решающую роль в моей жизни и становлении как ученого, и я с благодарностью пользуюсь возможностью поделиться моими воспоминаниями о нем не только как о большом ученом, но и как о человеке - образце, достойном подражания.

Вспоминая о Ф.А. Абрамове, хочу отдать ему дань уважения за ту роль, которую он сыграл в моей судьбе. Как студент, бегающий по институту, я видел его неоднократно, знал, что это профессор, заведующий кафедрой. Впервые близко встретился с ним в самом начале 1954 года, когда он начал читать нам лекции по рудничной вентиляции. Лектором он был замечательным - материал излагал четко, хорошо иллюстрировал излагаемый материал примерами из практики работы шахт, рисовал на доске необходимые схемы, изредка пользовался готовыми плакатами, писал много формул, но никогда не заглядывал ни в какие записи. Одет он был скромно, но аккуратно, иногда приходил на лекции в форме с тремя большими звездами на петлицах. С самого начала курса мы поняли, что нам предстоит изучить сложный, но крайне необходимый нам для будущей работы курс, и настроились на серьезный лад. Экзаменатором он был строгим, требовал четких ответов и изложения физики процессов, но хорошо поставленная система лабораторных работ, практических занятий, а также домашних заданий удачно дополняли лекционный курс и формировали стройную структуру знаний по рудничной вентиляции, поэтому большая часть студентов - слушателей Ф.А. Абрамова сдавала экзамен с первого захода.

Проблем с изучением рудничной вентиляции у меня не было, получил я на экзаменах очередные пятерки, с интересом относился к лабораторным работам, но привлек меня к работе на кафедре читавший нам “Технику безопасности” доцент А.Ф. Милетич.

Начал я с выполнения расчетов, лабораторных экспериментов, а закончил тем, что вторую производственную, а затем и преддипломную практику провел на шахтах Подмосковского угольного бассейна, занимаясь исследованиями утечек воздуха, выступал с докладами на научно-технических студенческих конференциях, участвовал в конкурсе студенческих НИР, получил премию и диплом Министерства высшего и среднего специального образования СССР, написал дипломную работу, которая по теперешним меркам носит название научного проекта. Я мечтал стать хорошим производственником, но Ученый Совет ДГИ вынес решение оставить меня в институте и рекомендовал для поступления в аспирантуру. Прием в аспирантуру производился в ноябре, зачисление - в декабре, а пока с 1 августа 1955 года я был зачислен ассистентом кафедры рудничной вентиляции и техники безопасности и приступил к исполнению моих обязанностей. Вступительные экзамены в аспирантуру я сдал отлично, но в приказе Минвуза Украины о зачислении аспирантов моей фамилии не оказалось. Выяснилось, что перед этим был издан приказ, запрещающий прием в аспирантуру лиц без стажа производственной работы, - а у меня такого стажа не было. Я обрадовался такому обороту дел, преподавателем я быть не собирался, написал заявление об увольнении и стал готовиться к отъезду на шахту. Федор Алексеевич попросил меня не гнать лошадей, ходил к ректору - Петру Григорь-

евичу Нестеренко и отправился в Киев. Возвратился он оттуда с приказом о моем зачислении в аспирантуру, подписанным замминистра. Ничего он не рассказывал о своем вояже, и только спустя год, когда мы были в командировке на шахте в Донбассе, сказал, что никто из чиновников не мог решить вопрос о моем зачислении, ему пришлось идти на прием к замминистра Колосовой, но и она не соглашалась изменить приказ. Тогда Федор Алексеевич сообщил ей, сколько он подготовил кандидатов и дал слово, что “через три года этот мальчик будет кандидатом наук”. Слово свое он сдержал, - под его научным руководством и с его помощью я преодолел все трудности, связанные с подготовкой и защитой диссертации, и, несмотря на постигшую меня жизненную трагедию (во время родов умерла жена и погиб ребенок), работу выполнил в срок. В июле 1959 года, когда я находился на практике с группой студентов, мне сообщили, что из ВАКа прибыл мой диплом кандидата технических наук.

Быть учеником Ф.А. Абрамова – большая честь, но оправдать его доверие и надежды было непросто. Федор Алексеевич прошел суровую школу военной науки и дисциплины в лихие годы Отечественной войны. Ее уроки он помнил и выполнял всю жизнь. Он вспоминал своего старшего командира, который при перебазировании подразделения отдавал приказ, и с точностью до минуты заводились двигатели и колонна трогалась, независимо от того, успели ли погрузить оборудование и занял ли свои места личный состав. На мой вопрос, что же делали отставшие, он ответил, что добирались, если жить хотели, с трибуналом шутки плохи. И хотя никакой трибунал ему уже не грозил, он всегда четко и быстро выполнял порученные приказы, распоряжения и запланированную работу. Как ведущему специалисту по горному делу и по специфике профиля кафедры ему часто приходилось выезжать на аварии. Дело это срочное, а учебный процесс срывать нельзя. Федор Алексеевич (сколько я его знаю - с начала 50-х и до самой смерти) жил в одной и той же квартире на Кирова, 2. А аспирант Бойко жил в аспирантском общежитии Коммунарковского блока единственного в то время общежития ДГИ, вход в которое был с одного и того же двора, что и в квартиру шефа. Телефона в блоке не было даже внутреннего, поэтому, если он выезжал срочно (стоит у порога машина горноспасателей), то просто заходил в общежитие (если ночь - то будил) и говорил: “Володя, я уезжаю на аварию. Завтра у меня такая-то лента”. На этом разговор заканчивался, а я должен был читать лекцию вместо него.

Еще аспирантом, потом ассистентом, а после возвращения после годовой стажировки в Великобритании – доцентом, мне часто приходилось выезжать в командировки с Федором Алексеевичем. Но если в первые годы это часто были командировки по выполнению научно-исследовательских работ, то со временем их характер изменился. С позиций теперешних познаний я бы назвал эти командировки научно-организационными.

Закljučая мои воспоминания о Федоре Алексеевиче, хочу отметить его неприхотливость к условиям работы. Часто наброски необходимых документов делались прямо в вагоне поезда или за столом секретаря в ожидании приема, за свободным столом в соседнем кабинете. Федор Алексеевич не был избалован

роскошью или излишествами, за весь период его работы в ДГИ не имел отдельного кабинета, и приходя на лекции, консультации дипломников, ютился за столом в общей преподавательской.

Выше я уже упоминал о широком диапазоне научных интересов и глубоких познаниях Федора Алексеевича. Он не только охотно делился своими идеями, планами, перспективами развития науки и техники, но и хорошо знал историю развития науки и старался в наследство будущим поколениям инженерно-технических и научных работников оставить информацию о достигнутом и высветить направления исследований по проблемам горнодобывающей промышленности, используя прессу. Им опубликовано около 400 статей и почти два десятка монографий.

Прошли годы после смерти Ф.А. Абрамова, изменился социальный строй Украины. Я, как и мой шеф, по возрасту передал бразды правления молодому доктору наук, профессору В.И. Голинько. Но и теперь созданная Федором Алексеевичем кафедра ДГИ, превратившегося в Национальный горный университет, продолжает развивать научное наследие и идеи своего основателя, ведет прикладные работы и наметила на перспективу фундаментальные исследования по наиболее актуальным для выживания угольной промышленности Украины направлениям.

Память о Федоре Алексеевиче жива. Его имя носит предметная аудитория кафедры, и каждый раз, когда я вхожу в эту аудиторию читать лекцию, с висящего на торцевой стене портрета на меня внимательно смотрят глаза Учителя, воспитавшего плеяду благодарных ему за науку и заботу учеников.

Доктор технических наук, профессор Шевелев Г.А.:

При поступлении в аспирантуру ДГИ вопрос о выборе кафедры, специальности и научного руководителя для меня не стоял. Ответ по юношески простой - отличный конспект лекции по курсу «Рудничная вентиляция», который доходчиво и заинтересованно читал нам профессор Федор Алексеевич Абрамов. А это при подготовке к сдаче спецпредмета на вступительных экзаменах – немаловажный фактор.

Декан нашего факультета профессор Кучерявый Ф.И. предлагал поступать к нему в аспирантуру, заниматься буровзрывными работами. Такому предложению были объективные обстоятельства. Во-первых, он знал меня как студента-отличника, а главное после окончания ВУЗа я два года работал буровым мастером и начальником смены горного цеха Балаклавского рудоуправления (г. Севастополь). Добывали флюсовый известняк.

И вновь повторю – свой выбор в неясной тогда для себя научной карьере сделал лишь на основании конспекта лекций, которые нам читал профессор Ф.А. Абрамов. Интуиция подсказывала – я поступаю правильно. Да какая там интуиция. Каждому нужно было сдавать кроме иностранного языка и философии, спецпредмет. Лучшего конспекта лекций, чем по курсу «Рудничной вентиляции» у меня не было. Наверное сегодняшним студентам и преподавателям

это о чем-то говорит.

В юбилейном выпуске, посвященном 100-летию образования нынешнего национального горного университета, я делился уже своими впечатлениями о Федоре Алексеевиче как о человеке, ученом, учителе. Все относились к нему с достойным ему уважением. Аспиранты и ДГИ и ФИМ АН УССР работали как одержимые. Всегда была хозтематика и мы кроме стипендии имели возможность получать еще 50 % как исполнители этих тем. Многие из нас подготовили и защитили диссертации за 3-5 лет.

Ф.А. Абрамов своих аспирантов, соискателей особенно не опекал, но и не мешал нам работать. Это развивало в нас самостоятельность и ответственность. Он вообще чаще бывал в командировках, чем в Днепропетровске.

Мы с Рево Борисовичем Тяном защищали свои диссертации в один день, 11 ноября 1965 года. Причем Тян Р.Б. был аспирантом ФИМ АН УССР, а я ДГИ. Но руководитель один - Ф.А. Абрамов. Он же председатель Ученого совета, на котором проходила защита. И вот, чтобы не давить своим авторитетом на членов совета, сославшись больным, он вообще не присутствовал на заседании и в голосовании не участвовал. Я подобных примеров не знаю.

Зато в августе 1982 года он не поленился позвонить мне вечером в Ялту и сообщить, что я могу покупать коньяк, поскольку ВАК утвердил меня доктором наук.

Немного найдется крупных ученых, которые подготовили столько докторов и кандидатов и которые по праву гордятся своим Учителем и благодарны ему. Отдел горной аэрогазодинамики, который он создал и руководил 20 лет, носит имя Федора Алексеевича Абрамова, а на здании нашего института установлен его барельеф.

Доктор технических наук Кулинич В.С.:

Воспоминания об учителе и наставнике

С Федором Алексеевичем Абрамовым мне довелось познакомиться в 1953 году, будучи студентом третьего курса горного факультета Днепропетровского горного института, на котором профессор Ф.А. Абрамов преподавал нам курс «Рудничной вентиляции» - важнейшего специального предмета для будущих горных инженеров. Помню с каким пристальным вниманием мы слушали и подробно конспектировали содержательные лекции нашего уважаемого преподавателя. Очень интересно и доходчиво излагал Федор Алексеевич теоретические основы проветривания угольных шахт, очистных и подготовительных горных выработок, приводя убедительные примеры рационального практического использования приобретенных теоретических знаний и печальных последствий игнорирования требований «Правил безопасности...» в угольных шахтах. Характерным было умение нашего преподавателя максимально использовать лекционное время для подробного изложения материала, по объему и содержанию зачастую значительно превосходящих рамки учебных программ.

После защиты в 1955 году дипломного проекта, специальная часть которого была посвящена проветриванию горных выработок в сложных горно-технических условиях, я по распределению был направлен на работу в распоряжение руководства угольного треста «Макеевуголь», где на практической работе в шахте использовал полученные в ДГИ знания.

Через 13 лет, пройдя путь от начальника добычного участка шахты «Пролетарская-крутая» до директора шахтоуправления, я по переводу был принят в 1968 году в ИГТМ АН Украины в отдел горной аэрогазотермодинамики.

Заведующим отделом в это время был член-корреспондент АН Украины Ф.А. Абрамов, где под его руководством мне посчастливилось трудиться более 14 лет, вплоть до безвременной кончины нашего любимого руководителя.

Руководителем одного из ведущих отделов института Федор Алексеевич был неординарным, обладающим способностью своевременно решать актуальные, сложные задачи, возникающие в горнодобывающей промышленности: от разработки способов и средств преодоления «газового барьера» в высокопроизводительных очистных выработках до обеспечения безопасных условий труда горнорабочих в глубоких шахтах, опасных по газодинамическим явлениям. По результатам научных разработок и широкому внедрению их в производство руководимый Ф.А. Абрамовым отдел неоднократно занимал призовые места среди соревнующихся научных подразделений Института геотехнической механики.

Светлая память об одном из корифеев рудничной аэрологии, мудром научном руководителе и наставнике навсегда сохранится в сердцах сотрудников отдела горной аэрогазодинамики, в настоящее время носящем почетное имя Федора Алексеевича Абрамова.

Доктор технических наук Пригунов А.С.:

Впервые о Федоре Алексеевиче я услышал еще в студенческие годы, где-то в 1955-1956 г.г. Но не как о преподавателе, а как об отце Валентина Абрамова, который был на три года старше меня, но мы играли вместе в сборной горного по баскетболу. Он как-то говорил при упоминании об отце о материальных сложностях студенческой жизни. Да, отец получает столько, что за месяц может купить «Победу» (это в то время был лучший автомобиль в СССР, не считая правительственных «ЗИМов»). Правда, я вижу отца очень редко. Он или на занятиях в институте с утра до вечера, или в командировке - Донбасс, Киев, Москва, или участвует в комиссии по расследованию очередного несчастного случая на шахте. Правда, насколько я помню, в то время профессор получал около 3,0 тыс. рублей, а «Победа» стоила 16,0 тыс. руб. Но все равно это поражало, (стипендия составляла в те времена около четырехсот рублей – это только у горняков, в других ВУЗах от 200 до 300 рублей).

Непосредственное общение с Федором Алексеевичем состоялось уже в то время, когда я работал директором СКТБ. Поражала прежде всего его скромность. Он никогда не показывал своего превосходства, не кичился своим звани-

ем член-корреспондента академии, занимаемой должностью и никогда не показывал своей мудрости зрелого опытного человека, значительно, старшего по возрасту. Что, безусловно, есть признак человека Мудрого. Это соответствовало понятию мудреца почитаемого мною Омара Хайяма:

Дураки мудрецам почитают меня.
Видит бог: я не тот, кем считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.

Мне всегда импонировало отношение Федора Алексеевича к сотрудникам отдела, которым он руководил. Это был не начальник, а сотрудник-коллега в науке. Он всегда относился с уважением к мнению своих сотрудников, всегда проявлял внимание к их личным проблемам и пытался помочь в личных делах.

Такое же уважение он проявлял и к руководителям института. Любимым его словом было «хозяин» в самом положительном его смысле. В мою бытность директором СКТБ часто приходилось решать сложные организационные вопросы взаимоотношений между институтом и СКТБ. При необходимости решения таких вопросов Федор Алексеевич всегда предварительно звонил и спрашивал разрешения зайти ко мне в кабинет: «Александр Сергеевич, здесь возникла некоторая проблема. Когда я мог бы к Вам зайти посоветоваться?» В отличие от некоторых: «Саша, зайди ко мне – надо решить проблему». Я считаю, что это признак интеллигентности, которым действительно был Федор Алексеевич.

Общеизвестно, что с Николаем Сергеевичем Поляковым - директором нашего института, Федор Алексеевич был в самых дружеских отношениях. Расхожим выражением восприятия их отношений в институте было «Коля-Федя». Однако в присутствии коллег Федор Алексеевич всегда соблюдал субординацию и уважение к директору.

Вспоминается такой случай. В советское время в Академии существовала традиция, когда на общие собрания Академии, где подводились итоги за прошедший год, обычно приглашалось всё руководство института - директор, его заместители, ученый секретарь, парторг, председатель профкома и директор СКТБ. Традиционно после успешного отчета перед отъездом из Киева вся делегация подводила итоги за обедом или ужином в одном из ресторанов, чаще, это был ресторан на вокзале. Когда делался заказ, и каждого спрашивали его мнение по поводу заказа, Федор Алексеевич всегда отвечал: «Мне тоже, что, и всем, и как скажет «хозяин». Причем в этом слове проявлялось не желание прислужить, а уважительное отношение к руководителю, скромность самого «заказчика».

Однако скромность не мешала Федору Алексеевичу отстаивать с достоинством своё положение даже в казалось бы не имеющих принципиального значения бытовых ситуациях. Известно, что в те времена одной из сложнейших проблем командировочных была проблема устройства в гостиницу. Рассказывают, что был такой случай, который меня поразил и ещё больше утвердил моё уважение к Федору Алексеевичу. Приехал Федор Алексеевич в очередной раз в

командировку с группой сотрудников. Обращается к администратору с просьбой поселить. Ответ как всегда: «Мест нет, и не будет». После длительных переговоров, в которых Федор Алексеевич, проявляя терпимость, приводил аргументацию важности командировки, что однако не привело к желаемому результату, Федор Алексеевич собрал пачку документов (паспорт, удостоверение член-корреспондента, удостоверение члена комиссии СССР по чрезвычайным происшествиям, и еще различные, удостоверяющие его достижения), положил их перед администратором и мягко, спокойно сказал: «Мы пошли кушать в ресторан, а Вы, пожалуйста, решите вопрос». Через какое-то время в ресторан практически вбежал директор гостиницы, отыскал Федора Алексеевича, извинился и сообщил, что вопрос поселения решен. Не знаю, насколько это соответствует истине, и какими преувеличениями обросла эта история, но в этом весь Федор Алексеевич.

В моей памяти остался образ Федора Алексеевича, как Человека – скромного, интеллигентного, доброжелательно относящегося ко всем окружающим людям, не выделяющего своих «любимчиков», а оценивающим людей только по отношению к науке, ответственности и преданности делу, порядочности.

Таким Федор Алексеевич останется навсегда в моей памяти.

Кандидат технических наук Панов Н.С.:

Впервые я увидел Ф.А. Абрамова в 1962 году и меня сразу покорила его уникальная простота и доступность, его умение выслушать и понять человека и готовность прийти к нему на помощь. К нему обращались многие с жизненными и научными проблемами и в таких случаях его крылатой фразой были слова «Давай действуй – я помогу!».

Эти природные качества мудрого человека – ученого обнаруживаются при первой встрече, это признают все, кому приходилось беседовать с ним.

Я был свидетелем многих заседаний и семинаров, которые вел Ф.А. Абрамов. Всегда он говорил спокойно, уравновешенно. Умел выделить основное, главное и осуществить жесткий контроль. Страшно не любил, если кто-то из присутствующих повышал голос, в таких случаях он молча выходил из комнаты, удивляя всех своей сдержанностью и выдержкой.

Уместно поговорить о школе Ф.А. Абрамова, о его отношении к сотрудникам. У Федора Алексеевича – это школа высокой человечности и коллегиальности. Чтобы люди его уважали, надо иметь высокий авторитет. С момента рождения ИГТМ был создан отдел – дружный коллектив ученых численностью около 50 человек, способный решать любые вопросы горной аэрогазодинамики. И эта численность отдела сохранилась все годы, с тех пор как Федор Алексеевич стал его руководителем. За годы его руководства отделом ни один человек не был уволен вопреки его желаниям.

Особое внимание Ф.А. Абрамов уделял развитию тематики приборостроения. Сразу после организации института была создана лаборатория средств контроля проветривания шахт в составе 12 человек. При постоянной поддержке

Ф.А. Абрамова разрабатывались приборы для измерения концентрации метана, расхода воздуха и депрессии выработок. Разработано 13 наименований приборов, организовано серийное производство части из них. Заводами страны выпущено более 2100 приборов, которые внедрены на шахтах и рудниках. Отдельные из них (ИСВ-1, АПР-2, МБЦ-5) соответствуют мировому уровню. При этом лично сам Федор Алексеевич привозил подтвержденную Минуглепормом экономическую эффективность от их внедрения.

Вместе с Ф.А. Абрамовым я часто ездил в командировки, а ездил он очень много. За одни сутки он мог побывать в Донецке, Луганске, Макеевке и даже заехать на шахту. Однажды мы вместе летели в Омск, в самолете он читал и вносил исправления в диссертацию В.Г. Клочкова. В другой раз на пути из Киева его видели в поезде, как он готовился к лекциям в горном институте. В одной из командировок мне посчастливилось увидеть Ф.А. Абрамова, как он увлеченно пел. Мне кажется, что это был уникальный случай увидеть поющего члена-корреспондента, не многие могут рассказать об этом. А дело было так.

Сентябрьским вечером 80-х годов мы возвращались из Москвы. Заранее договорились встретиться в купейном вагоне. Я подошел в названный вагон и с удивлением увидел Федора Алексеевича, который ехал вместе с В.Е. Забигаило. Поужинали, выпили по рюмке коньяке «Плиска», обсудили результаты командировки. И тут Забигаило тихо запел «Вот мчится тройка почтовая...». Это была моя любимая песня и я не удержался – начал подпевать ему. Прекрасный голос Забигаило, прекрасный мотив старинной песни растрогали душу Ф.А. Абрамова и он стал петь вместе с нами. А потом была «Степь да степь кругом...» и многие другие волнующие душу песни. Видели бы вы в то время Ф.А. Абрамова! Он улыбался, глаза его блестели, он радовался жизни как ребенок. «Как хорошо мы едем!» - говорил он. И этот незабываемый песенный вечер закончился далеко за полночь.

После работы я иногда провожал Федора Алексеевича, бывал у него дома. Однажды мы шли мимо памятника Славы, что стоит в начале проспекта Карла Маркса. В это время подъезжали свадебные кортежи роскошных автомашин с влюбленными парами, гремела музыка, бегали с кинокамерами. Везде цветы, зелень елок и белоствольных берез. Он грустно посмотрел вокруг и промолвил: «Видишь какой шум и гам стоит, а через несколько дней они начнут ссориться и расходиться. А мы с моей Мурой (Мария Яковлевна, жена) сошлись в Горловке тихо, я в холщевых штанах, она в холщевой юбке. И живем в радости и согласии более 50 лет. Не правда ли поучительно для них».

Кандидат технических наук Боровский А.В.:

Прошли те годы ...

Прошли те годы, но не верится, что он ушел в другую реальность. С тех пор всегда передо мной его портрет. Его образ меня вдохновляет. Иногда мысленно обращаюсь к нему за советом и даже прошу помощи, потому что так одиноко

стало на вентиляции...

А вот раньше, какой был размах! А он был всему голова. Успевал везде – и на кафедре, и в отделе.

Впервые с Федором Алексеевичем я познакомился в 1956 году, будучи студентом 3-го курса горного факультета ДГИ. Видимо, еще тогда мне полюбился его предмет: иначе, как же могло так случиться, что из всех конспектов сохранился только один – по вентиляции.

А затем случилось так, что в далеком 1962-м году я настойчиво пробивался в отдел Ф.А. Абрамова, отвергая любые другие возможности. Месяца два пришлось потратить на то, чтобы с ним встретиться. Я тогда не знал, что был самый ответственный период в создании нашего будущего института: Федор Алексеевич вместе с Николаем Сергеевичем Поляковым занимались подготовкой необходимой документации на открытие в Днепропетровске отделения горнорудных проблем института электротехники АН УССР (сейчас ИГТМ им. Н.С. Полякова НАН Украины) и находились в бесконечных командировках.

Кстати, Федор Алексеевич любил ездить. Объяснял это необходимостью поддерживать личный контакт с нужными людьми. Довольно часто наносил визиты в ИГД им. А.А. Скочинского, МГИ, ЦНИИТЭИУгля, ДонУГИ, МакНИИ, Минуглепром и др. Иногда брал с собой ведущих специалистов из числа своих сотрудников. Однажды так случилось, что при попытке поселиться в гостиницу сопровождающему его сотруднику администратор заявил: "Что мне Ваш член-корреспондент? Мне футболистов поселять некуда!"

Федор Алексеевич был очень скромным человеком и не мог доставлять неудобства кому-либо. Поэтому свои командировки он стал планировать таким образом, чтобы ночи можно было проводить в поездах и в гостиницы не устраиваться. Такой способ он обычно применял на маршрутах Днепропетровск – Киев – Донецк – Днепропетровск или Днепропетровск – Москва – Донецк – Днепропетровск и по приезде с восторгом рассказывал: "Я туда и туда поехал, того встретил и с тем поговорил, а все ночи в поезде".

Помню, отдел горной аэрогазодинамики был большой – около 60 человек. Люди были разного возраста, в разных должностях и званиях. Федор Алексеевич со всеми был на равных. Никогда не повышал голос, разве только во время междугородних переговоров из-за плохой слышимости. Постоянно интересовался результатами работы не только инженеров и научных сотрудников, но даже и простых техников. Считал необходимым, чтобы его подчиненный выполнял работу сознательно, знал над чем работает и что должен получить. Мог неожиданно подойти к любому и задать вопрос: "Вот, расскажи мне, над чем ты сейчас работаешь. Расскажи своими словами, причем так, как будто я не Абрамов". Эта его маленькая хитрость раскрепощала и располагала к дружеской беседе.

С годами его отношение к делу не изменилось. Уже много лет спустя я работал в другом отделе и занимался моделированием аэрогазодинамических процессов в очистной выработке, проветриваемой поперечными струями, а Федор Алексеевич всего себя отдавал решению проблемы борьбы с внезапными

выбросами угля, породы и газа. И вдруг неожиданно входит в лабораторию: "Расскажи мне о своих результатах, а я расскажу о них своим студентам". Это было здорово! Запомнились и его слова в конце встречи: "Если б я не занимался выбросами, мы бы с тобой это раскрутили".

Да, Федор Алексеевич живо интересовался любыми проявлениями новизны в области рудничной аэрогазодинамики и много времени уделял вопросам подготовки научных кадров. Здесь он был неутомимым руководителем. Через него ежегодно проходили десятки докторских и кандидатских диссертаций.

В те годы существовал какой-то здоровый ажиотаж, какое-то неофициальное соревнование среди сотрудников. Нежелающих поступить в аспирантуру к Федору Алексеевичу не было. Ведь поступление давало основание на будущий успех, на возможность использовать экспериментальные результаты в своих интересах. К этому выводу я пришел значительно позже, вспоминая, как можно было умудриться, работая в "кузнице кадров" член-корреспондента Ф.А. Абрамова, оказаться первым, кто не был у него в аспирантуре.

Федор Алексеевич всегда оставался демократично настроенным руководителем. Никого не приближал и никого не отдалял. Много работал сам и своим примером заставлял работать нас. Обычно от него исходил неиссякаемый поток поручений – куда-то ехать, с кем-то встретиться, что-то подготовить, написать и т.д. В отделе действовало придуманное им правило: "Ты можешь заниматься своим делом, но чтобы был на месте, когда мне нужен". Мы, в свою очередь, знали "расписание" работы Федора Алексеевича и старались его не огорчать.

Будучи ученым секретарем отдела, мне, в этом плане, всегда доставалось. Хочу привести здесь чудом сохранившуюся его записку:

А еще были другие поручения, связанные с деятельностью в институте общества "Знание", председателем которого был Ф.А. Абрамов, а я опять же был у него секретарем. При всей своей занятости научной работой Федор Алексеевич очень активно и добросовестно относился к выполнению этой воспитательной работы с молодежью. В его обязанности входило составление планов, подготовка лекторов из числа научных и старейших сотрудников института, проведение учебных мероприятий с молодежью, составление протоколов и т.д.

Проводимая в отделе и институте совместная работа позволяла Федору Алексеевичу обращаться с личной просьбой проводить или подвезти его домой. Помнится, однажды попросил подвезти его к кафе на набережной и забрать через полчаса. На обратном пути он так расхрабрился, что буквально в приказном порядке заставил вести машину через парк им. Т.Г. Шевченко по аллеям и между деревьев, приговаривая: "Давай туда, давай сюда! За нарушение буду отвечать я". Проявление такой смелости с его стороны было большой редкостью.

Проработав с Федором Алексеевичем двадцать лет и будучи с ним в тесных рабочих контактах, никогда не просил о какой-либо помощи в личном плане. И вот, как-то провожая его к дому, вдруг слышу: "Такие, как ты, уже давно вымерли". Я остолбенел. За что? Что думать? И тут он продолжил: "Ты совершенно бескорыстный". Зря я тогда не спросил его – что это? Высокая оценка, или недостаток? А другого случая уже не представилось...

Михаил Иванович!

Анатомии Владимирова!

Я слово секретная, о фактах своего
 в жизни в ДН-ВМ, но никак
 до журналистов вырывают её из
 жизни и истории. Я пишу
 почти всё в своем подвале
 Писатель Рядом с ДНК Натсан
 Нил Мизин, Спротиву и атеиста
 и передалеки на переделку
 Кирьяков (экс-пер. труд. Подо-
 ков) Рядом с ДНК

Светлая память об этом замечательном человеке, настоящем ученом навсегда останется в моем сердце.

Кандидат технических наук Шишацкий А.Г.:

С Федором Алексеевичем Абрамовым мне повезло работать с 1962 года, когда меня, студента второго курса горного факультета ДГИ, приняли работать на 0,5 ставки лаборанта по НИЧ ДГИ на кафедру рудничной вентиляции и охраны труда, где профессор Абрамов Ф.А. заведовал кафедрой. Я написал «повезло», потому, что работать под его руководством было и престижно, и легко, и про-

дуктивно, и приятно и ответственно. Федор Алексеевич умел создать вокруг себя творческую обстановку, с одной стороны требовательную, а с другой – благожелательную. Чего стоило его выражение: «расскажи мне так, как будто я ничего не понимаю», которое он говорил, заслушивая очередной раз полученные нами, его сотрудниками, научные результаты. При таком разговоре он глубоко вникал в самые мельчайшие подробности методики исследований, всесторонне обсуждал каждый полученный результат. При этом и замечания и советы высказывались им в самой благожелательной форме. Это я всегда ощущал и будучи студентом, работающим по НИЧ, и возвратясь в ИГТМ НАН Украины уже опытным инженером, обучаясь у него в аспирантуре, работая старшим научным сотрудником, кандидатом технических наук под его началом.

Абрамова Ф.А. всегда отличала его большая научная интуиция, глубокие знания в горном деле. Он всегда мог отличить действительно перспективные научные идеи от случайных нежизнеспособных «прожектов». Это я сам ощутил по поводу предложенного мною метода обеспыливания воздуха в угольных шахтах. Некоторые положительные результаты я получил при физическом моделировании процессов борьбы с пылью, затем прочитал об этом методе в научно – технической литературе. Пришел с этими «идеями» к Федору Алексеевичу. Он детально объяснил бесперспективность и ограниченную область применения этого метода. Я подумал: «Абрамов всю свою научную деятельность посвятил проветриванию горных выработок, термодинамике угольных шахт, борьбе с внезапными выбросами, газообильности шахт, а я уже несколько лет работаю в области борьбы с пылью». И «втихомолку» всесторонне проверил на физической модели. Оказалось, что член – корреспондент АН Украины Абрамов Ф.А. оказался во всем прав. Следует отметить, что зав. отделом горной аэрогазотермодинамики член – корреспондент АН Украины Абрамов Ф.А. не был «ангелом воплоти». Он мог простить научную ошибку, но не прощал научного подлога, предоставления неверных сведений о полученных результатах. С работы «не выгонял», а просто говорил: «У меня для тебя научного роста больше нет». И человек уходил.

Федор Алексеевич обладал огромными организаторскими способностями. Приехав в Москву, он на 700 заказывал такси и начинал работу с посещения Совмина, Госплана, ВАК, Минуглепрома, головных институтов по научным направлениям, Госкомитета по науке и технике, где решал вопросы координации научных исследований, финансирования ИГТМ АН УССР и др. При этом он никогда не останавливался на полпути. Всегда доводил любое дело до конца. Помню такой случай. В ИГТМ АН УССР нами был разработан пенный способ борьбы с пылью. Для внедрения способа выбрали шахту им. Лутугина в г. Торез. Не без помощи Федора Алексеевича работы по внедрению были включены приказом в план Минуглепрома Украины. Необходим был еще приказ по ПО «Торезантрацит» о создании группы внедрения со стороны работников шахты. Неоднократные встречи и меня и кандидата технических наук Роменского Л.П. с руководством ПО «Торезантрацит» не давали никакого результата. Решили подключить Абрамова Ф.А. Генеральный директор ПО «Торезантро-

цит» Сребный М.А. встретил очень радушно Федора Алексеевича. Стали решать вопрос об издании приказа по объединению о внедрении. Составили проект, сидим час, два, три, но вызываемые для согласования руководители служб объединения находят какие-то неточности и приказ не подписывается. Федор Алексеевич поднимается и говорит мне: «Пошли со мной». Вышли в коридор, Федор Алексеевич спрашивает: «Есть здесь еще приемная?». Говорю: «Есть у технического директора». Пришли. Федор Алексеевич говорит секретарю приемной: «Я Абрамов Ф.А., решаю вопросы в кабинете Сребного М.А. Прошу соединить меня с Нырцевым». Нырцев тогда работал председателем Госнадзорхрантруда Украины. Возвратились в кабинет к Сребному М.А. и минут через 15 раздается звонок, по громкоговорящей селекторной связи слышим голос: «Нырцев у аппарата». Сребный М.А. с ужасом подходит к аппарату, думая, что на какой-то из шахт произошла авария. Нырцев почти сразу пригласил к телефону Федора Алексеевича. Поговорили. Абрамов Ф.А. положил трубку и говорит: « Ты смотри, и здесь меня Нырцев нашел». Через 10 минут приказ был подписан. И вообще Абрамова Ф.А. производственники ценили, прислушивались к его мнению.

Я всегда с гордостью говорю о том, что моим научным учителем был Федор Алексеевич Абрамов и я принадлежу к его научной школе.